

ції та державотворення в Україні / Г. Євсєєва // Державне управління та місцеве самоврядування: Зб. наук. праць. – Д.: ДРІДУ-НАДУ. – 2009. – Вип. 1.

11. Колодій А. Нація як суб'єкт політики / А. Колодій. – Львів: Кальварія, 1997. – 56 с.

12. Надольний І. Національна самосвідомість як чинник державотворення / І. Надольний // Філософія освіти: Науковий часопис. – 2006. – № 3. – С. 175–186.

13. Єрмоленко С. Я. Мова і українознавчий світогляд: монографія / С. Я. Єрмоленко. – К.: НДІУ, 2007. – 444 с.

14. Богуш А. Рідномовні обов'язки І.Огієнка в сучасній практиці дошкільних закладів півдня України / А. Богуш // Вісн. Львівського ун-ту. – Сер.: філологія. – 2010. – Вип. 50. – С. 42–46.

15. Сербенська О. Факультет журналістики, українська мова і я – словесник україніст // Пам'ять століть. Україна. Історичний науковий та літературний журнал. – 2004. – № 3–4. – С. 158–166.

16. Євсєєва Г. П. Державна мовна політика в Україні: симптоми та синдроми / Г. П. Євсєєва // Вісн. Придніпровської держ. акад. будівництва та архітектури. – 2011. – № 9. – С. 61–65.

17. Лопушинський І. Державна мовна політика в Україні / І. Лопушинський. – Херсон: Олді-плюс, 2010. – 478 с.

18. Дробноход М. Стійкий екологічно безпечний розвиток: український контекст / М. Дробноход // Дзеркало тижня. – 02.06.2001. – № 21 (345).

References

1. Zhajvoronok V. Ukrai'ns'ka etnolingvistyka. Narysy / V. Zhajvoronok. – K.: Dovira, 2007. – 262 s.

2. Kalenjuk S. Mova jak skladova nacional'noi' kul'tury / S. Kalenjuk // Ukrai'noznachyj al'manah. – Kyi'v, Melitopol', 2012. – Vyp. 9. – S. 87–90.

3. Jevsjejeva G.P. Realizacija derzhavnoi' movnoi' polityky v Ukrai'ni: tendencii' ta perspektyvy / G.P. Jevsjejeva // Visn. Prydniprov's'koi' derzh. akad. budivnytstva ta arhitektury. – 2011. – № 4. – S. 63–67.

4. Chernec' V.G. Derzhava i kul'tura: ontologichnyj aspekt / V.G. Chernec' // Visnyk Derzhavnoi' akademii' kerivnyh kadriv kul'tury i mystectv: nauk. zhurnal. – K.: Milenium, 2012. – № 4 – S. 3–8.

5. Rymarenko S.Ju. Prava naciij ta prava ljudyny: mizh Scilloju ta Haribdoju / S.Ju. Rymarenko. – K.: Svitogljad, 2005. – 78 s.

6. Jakovlev A.O. Do aktual'nosti pytannja pro etnogenez / A.O. Jakovlev // Visn. Mizhnar. Slov'jans'kogo un-tu. – Ser. sociologija nauky. – 2006. – № 1. – S. 48–51.

7. Gorbach O.N. Istoryko-politychni aspekty etnonacional'nyh vidnosyn / O.N. Gorbach // Visn. L'viv's'koi' komercijnoi' akademii' / [red. kol.: Gelej S.D., Timchenko O.P., Sova A.O. ta in.]. – Ser.: Gumanitarni nauky. – L'viv: Vyd-vo L'viv's'koi' komercijnoi' akademii', 2010. – Vyp. 9. – S. 251–256.

8. Teterych O.M. Etnopsychologija ukrai'nciv: movnyj aspekt / O.M. Teterych // Gumanitarnyj visnyk ZDIA. – 2012. – № 51. – S. 142–149.

9. Skovrons'ka I. Dejaki aspekty navchannja ukrai'ns'koi' movy jak inozemnoi' v ukrai'ns'kij diaspori Kanady ta SSHa / I. Skovrons'ka // Teorija i praktyka vykladannja ukrai'ns'koi' movy jak inozemnoi': Zb. nauk. prac'. – 2009. – Vyp. 4. – S. 11–17.

10. Jevsjejeva G. Mova jak chynnyk nacional'noi' samoidentyfikacii' ta derzhavotvorennja v Ukrai'ni / G. Jevsjejeva // Derzhavne upravlinnja ta misceve samovrjaduvannja: Zb. nauk. prac'. – D.: DRIDUNADU. – 2009. – Vyp. 1.

11. Kolodij A. Nacija jak sub'jekt polityky / A. Kolodij. – L'viv: Kal'varija, 1997. – 56 s.

12. Nadol'nyj I. Nacional'na samosvidomist' jak chynnyk derzhavotvorennja / I. Nadol'nyj // Filosofija osvity: Naukovyj chasopys. – 2006. – № 3. – S. 175–186.

13. Jermolenko S.Ja. Mova i ukrai'noznachyj svitogljad: monografija / S.Ja. Jermolenko. – K.: NDIU, 2007. – 444 s.

14. Bogush A. Ridnomovni obov'jazky I.Ogijenka v suchasnij praktyci doshkil'nyh zakladiv pivdnja Ukrai'ny / A. Bogush // Visn. L'viv's'kogo un-tu. – Ser.: filologija. – 2010. – Vyp. 50. – S. 42–46.

15. Serbens'ka O. Fakul'tet zhurnalistyky, ukrai'ns'ka mova i ja – slovesnyk ukrai'nist // Pam'jat' stolit'. Ukrai'na. Istorychnyj naukovyj ta literaturnyj zhurnal. – 2004. – № 3–4. – S. 158–166.

16. Jevsjejeva G.P. Derzhavna movna polityka v Ukrai'ni: symptomy ta syndromy / G.P. Jevsjejeva // Visn. Prydniprov's'koi' derzh. akad. budivnytstva ta arhitektury. – 2011. – № 9. – S. 61–65.

17. Lopushyn's'kyj I. Derzhavna movna polityka v Ukrai'ni / I. Lopushyn's'kyj. – Herson: Oldi-pljus, 2010. – 478 s.

18. Drobnohod M. Stijkyj ekologichno bezpechnyj rozvytok:

ukrai'ns'kyj kontekst / M. Drobnohod // Dzerkalo tyzhnja. – 02.06.2001. – № 21 (345).

Otreshko V., Ph.D., the applicant, National Pedagogical University M.P. Drahomanova (Ukraine, Kiev), panyolga@ukr.net

Language as an element of culture and state factor

The article is sanctified to consideration of language as one of fundamental elements of traditional culture, that renders considerable influence on creation of the national state.

Keywords: language, education, culture, creation of the state.

Otreshko V., kandidat pedagogicheskikh nauk, soискатель, Natsional'nyj pedagogicheskij universitet im. M. P. Drahomanova (Ukraine, Kiev), panyolga@ukr.net

Язык как элемент культуры и фактор государства

Статья посвящена рассмотрению языка как одного из основополагающих элементов традиционной культуры, который оказывает значительное влияние на создание национального государства.

Ключевые слова: язык, образование, культура, создание государства.

* * *

УДК 130.2:316.77

Домнич С. П.

старший преподаватель Центра международного образования, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Украина, Харьков), spdom.286@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА

Рассматривается дискурсивная природа речевых практик через призму методологических подходов дискурсивного анализа языка. Проанализированы модели речевых практик в русле философско-антропологических координат дискурса посредством актуализации языка в речи, в социокультурной коммуникации.

Ключевые слова: речевые практики, дискурс, философская антропология, философия языка, методологические подходы, социокультурная коммуникация.

(статья друкується мовою оригіналу)

В настоящее время понятие дискурс, принадлежащее к кругу так называемых человеческих дисциплин и целого комплекса наук, в том числе и философии, включает широкий спектр дефиниций, вследствие чего и имеет множество научных интерпретаций, которые затрагивают такие смежные понятия как *речь – речевая деятельность – диалог – текст*, формируя в конкретный исторический момент основание научной картины мира. Подтверждением этому могут служить слова О. Л. Михалёвой: “Дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках” [16], в том числе и речевых.

Данная проблематика нашла своё отражение в исследованиях с позиций философской и культурно-антропологической парадигм Б. В. Маркова, К. Леви-Стросса, В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова, Ю. Хабермаса, А. Кибрика и П. Паршина, А. Р. Усмановой, Т. Г. Грушевицкой, В. Д. Попкова и А. П. Садохина, Ф. И. Шаркова, в работах по изучению процессов становления и развития дискурсивного анализа языка (З. Харрис, Ф. де Соссюр, М. Пёше и К. Фуке, М. Фуко, Т. ван Дейк, Ж. Делёз, О. Розеншток-Хюсси), а также в монографических работах П. Серио, М. Л. Макарова, С. В. Бориснёва, Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Владимировой, М. Ю. Олешкова, В. Зорина, А. –

Ж. Греймас и Ж. Курте, в исследовательских работах, касающихся проблем языка, речи, дискурса (М. Каган, В. А. Зегинцев, М. Ф. Гербовицкая, О. Л. Михалёва, О. Ф. Русакова, В. И. Карасик), в работах по межличностному дискурсу (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. С. Библер).

В украинской философской мысли проблемы дискурсивной природы речевых практик нашли своё отражение в монографических работах Л. А. Ситниченко, Д. И. Руденко, А. М. Ермоленко, А. Караса, С. А. Заветного, И. Дзюбы, К. А. Ивановой, В. Г. Зинченко, В. Г. Зусмана, З. И. Кирнозе, В. В. Ларченко и др., а также в исследовательских работах С. Мегентесова, Л. А. Усановой, И. В. Усанова, Е. В. Уханова, А. А. Цвибель, А. Ю. Бобловского, М. И. Бойченко, А. А. Машталер, А. М. Грекова, О. Лановенко, Х. Е. Мамутовой, Л. А. Лешуковой и др., где были отражены её различные парадигмы.

Актуальность темы обусловлена предметом споров и дискуссий в самых широких слоях общества проблем дискурсивной природы речевых практик, которые отражают различные потребности человека, опираясь на философско-антропологические и культурно-антропологические основания анализа языка и используя при этом традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле, языке. Но вместе с тем, несмотря на неоднозначное понимание термина “речевые практики”, в настоящее время оно приобретает все большую значимость, поскольку в процессе сближения мировых культур в единое глобальное коммуникативное пространство происходит процесс взаимодействия не только посредством современной информационно-коммуникативной культуры, но и на уровне нравственных источников взаимодействия. А они, на наш взгляд, должны базироваться на духовных составляющих, т.е. на речевых практиках представителей разных культур и этносов, и исследование их, как сегодня, так и в дальнейшем сможет стать основой для построения модели межкультурного взаимодействия.

Целью статьи является рассмотрение дискурсивной природы речевых практик в различных философско-антропологических, методологических измерениях.

В современных исследованиях, проводимых различными отраслями научного знания, само понятие “речевые практики” стало использоваться только в конце XX века (90-е гг.). В наиболее общем виде “речевые практики” трактуются как “речевая коммуникация”, “речевое общение”, “речевая деятельность”, “речевое взаимодействие”, “речевое событие”, “дискурс” и т.п.

На наш взгляд для того, чтобы дать определение понятию “речевые практики”, сначала правомерно будет сказать о том, что обозначает слово “практика” с философской точки зрения: “практика” – от греч. деятельный, активный – многообразие способов реализации человеческого бытия в различных формах закрепления, воспроизводства и развития человеческого опыта, процесс перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условиях их жизни, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения. Согласно В. Е. Кемерову, “практика связывает потенциальный и актуальный аспекты совместной и индивидуальной жизни людей, она выявляет проблему социального бытия как многомерного движения и взаимодействия различных форм че-

ловеческого опыта” [24, с. 545]. И так, представленная философская дефиниция к понятию *практика* предполагает вопрос о мерах (границах, барьерах) реализации бытия человека. С другой точки зрения понятие *практика* рассматривается как специфический “механизм” эволюции человека, который вырабатывает меняющиеся средства взаимодействия людей с природой и друг с другом. С этой точки зрения *практика* представляет собой особого рода социальную связь, которая обеспечивает как накопление опыта, так и его трансляцию от поколения к поколению, от эпохи к эпохе.

Практика может рассматриваться как одна из важнейших форм бытия людей. “В обыденном сознании практика понимается как действующий опыт человека, как воспроизводство или закрепление навыков продуктивной работы, как приложение, воплощение или испытание человеческих умений и знаний (В. Даль)” [24, с. 545].

Таким образом, истолкование *практики* сводится к характеристике специфики социального процесса, который зафиксирован в своих вещественных проявлениях и эффектах.

Что же касается понятия “*речевые практики*”, то мы будем исходить из того, что под ним понимается сложная система субъект-субъектного взаимодействия, направленного на установление определенных коммуникативных отношений и взаимоотношений, включая достижение духовной общности; которое “заключает всю сознаваемую глубину взаимной сопричастности людей, претворяемой через обогащение субъектом своей жизнью жизни всех других субъектов” [3, с. 9], что является актуальным, на наш взгляд, с точки зрения как межличностного, так и межкультурного взаимодействия представителей различных культур и этносов [7].

Согласно постулату Р. Рорти, “язык вербует мир”, поэтому отметим, что “самое надежное знание о мире зашифровано именно в языке. Изучение языка – ключ к изучению человека и мира”, что, по мнению О. Ф. Русаковой, обозначило с конца 60-х годов XX века “лингвистический поворот” в различных общественных дисциплинах, в том числе и философии, который с помощью широкого распространения идей, а также терминологии постмодернизма и семиотики в интеллектуальных кругах, превратился в “дискурсивный поворот” [22], который и получил распространение в конце XX века.

Совокупность речевых практик (или совокупность высказываний), присущих определенным социальным группам и принадлежащих различным сферам жизнедеятельности человека и строящимся на базе определенной информации и жизненного опыта, образует *дискурс*, основным свойством которого, – как утверждает П. Рикер, – является “свойство текста как цепи фраз”. С семантической же точки зрения, *дискурс* (фр. “discours”, англ. “discourse” – “беседа, разговор”; от лат. “discursus” – “бегание взад-вперед; движение, круговорот”) – это речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. Как видно из латинского контекста, в качестве основной сферы употребления слова “discursus” выступают различные виды беспорядочного и быстрого движения: “dis” + “curro” – “бежать”: 1) бегание туда и сюда, беготня в разные стороны; 2) набег; 3) движение, круговорот; 4) непрерывное мелькание; 5) бестолковая беготня, суета; 6) разрастание, раз-

ветвление; 7) барактанье. Однако только периферийное значение “дискурса” как-то совпадает с современным “беседа, разговор”, а приставка “dis” которая обозначает “разделение, разъединение, расчленение” лишь усиливает глаголу движения направление разноплановости и лишает его “энтелехии”(куда?). Позднее неупорядочные движения тела ассоциировались с мышлением человека (“Mensdiscurritutroque”) и Бога (“IpseveloxdiscurreregoudetinaltisMontibus”). Мы разделяем точку зрения О. Л. Михалёвой в том, что в русском языке практически невозможно раскрыть значение понятия *дискурс* через анализ его логико-понятийной структуры, а также четко обосновать его расширенное применение, поскольку “в современной науке под дискурсом понимается практически все, что угодно исследователю” (Михалёва О. Л.).

Однако, для описания *речевых практик* следует еще раз сказать о природе *дискурса*, подчеркнув, тем самым, его многомерность и неоднозначность.

Основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа принято считать американского ученого-лингвиста З. Харриса, ибо именно он опубликовал статью “Discourseanalysis”(1952)[27], в которой рассмотрел метод дистрибуции по отношению к сверхфразовым единицам.

Философское понимание дискурса основывается на типе дискурсивной практики, поскольку “смысл и истина являются характеристиками утверждений, а не предложений и, таким образом, на смену синтаксическим и семантическим теориям языка приходит прагматика, основой которой могут считаться прагматизм Ч. Пирса и Ч. Морриса, теория речевых актов Дж. Серля и Дж. Остина, генеративная лингвистика Н. Хомского, универсальная прагматика Ю. Хабермаса”[19].

В Новейшем философском словаре[18] дана такая трактовка данного понятия: “*дискурс* – от франц. *discours* – речь: в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения”(Усманова А. Р.).

В Новой философской энциклопедии авторами словарной статьи “Дискурс” Г. Б. Гутнером и А. П. Огурцовым *дискурс* представляет собой “многозначное понятие: 1) в истории классической философии использовалось для характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целого ряда до его частей; 2) в современной французской философии постмодернизма – характеристика особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и др. контексты”[17, с. 670–671].

В философском толковом словаре В. Зорина “Евразийская мудрость от А до Я”[9] под *дискурсом* понимается “способ мышления, осуществляющийся поэтапно, посредством логических умозаключений. Дискурсивный ум действует методически и расчетливо. Противос-

тоит интуитивному уму, воспринимающему результат непосредственно, без стадии доказательства”.

По мнению С. В. Бориснёва, “*дискурс*(лат. “*discursus*” – рассуждение, фр. “*discours*” – речь) – разновидность коммуникации, ориентированной на свободное обсуждение и принятие мнений и предложений, необходимых для организации совместных действий людей; фактически “творимый” в речи связный текст, рассматриваемый в событийном плане, и в котором актуализируются не только мгновенно языковые факторы – правила сочетаемости слов и последовательности высказываний, их интонационное оформление, формы переспроса, перебивания партнера, виды реакции на вопрос и т.п., но и неязыковые факторы. В дискурсе актуализируются невербальные средства, правила речевого этикета. Сложная единица коммуникации”[2].

Поскольку человек воспринимает то или иное событие(ситуацию) с позиции уже имеющихся в его сознании когнитивных структур, то им оперируются не факты, а представления об окружающем мире. И именно эти ментальные процессы вместе с пересекающимися психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни и создают тот чрезвычайно комплексный процесс, который состоит из многочисленных взаимосвязанных компонентов, и представляет *дискурс*(Муара Чимомбо и Роберт Л. Розберри), который выражается именно в речевых практиках субъектов социокультурной коммуникации.

Как справедливо утверждают многие учёные, четкого и общепризнанного определения понятия *дискурс*, которое бы связывало все случаи его употребления, нет, поскольку оно имеет достаточно широкий спектр распространения, как в лингвистике, так и в философии, социологии, культурологии, политологии, логике и т.д., что объясняет его междисциплинарный характер исследования.

Так, О. Л. Михалёва[16, с. 360–377] считает, что современное использование термина *дискурс* базируется на двух основных его употреблениях: 1) *дискурс* – это речевая практика, т.е. “интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения”[11, с. 5]; 2) *дискурс* – сложное коммуникативное явление, которое включает как акт создания определённого текста, так и отражает зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств(знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего)[6; 25].

Тогда как А. Кибрик и П. Паршин[13] выделяют *три* основных класса употребления термина *дискурс*, которые соотносятся с различными национальными традициями и вкладами конкретных авторов. *Первый класс* базируется на собственно лингвистических употреблениях этого термина, за которыми просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога (З. Харрис; Ф. де Соссюр; Н. Д. Арутюнова; Э. Бюиссанс; Э. Бенвенист); *второй класс* основывается на социологических употреблениях, в которых предполагается, что способ говорения во мно-

гом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты в виде “дискурсивных практик”(или “дискурсивных формаций”), т.е. конкретных разновидностей дискурса (“феминистический дискурс”(или “феминистский дискурс”), “дискурс власти”, “дискурс насилия”, “политический дискурс”, “рыночный дискурс”, “научный дискурс”, “философский дискурс”, “межличностный дискурс” и т.п.), “... которые определяют, что можно и должно быть сказано ... с определенной позиции в данной ситуации”[20,с.107]. Данный класс употреблений термина дискурс связывают с работами французских структуралистов и постструктуралистов, таких как М. Фуко, А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева, позднее М. Пёше. *Третий класс* употреблений термина дискурс представляет собой особый идеальный мир коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутин и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации” – это “дискурс рациональности” (“дискурс метода” – от Р. Декарта), который связан с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса.

А. Кибрик и П. Паршин отмечают, что три данные макроразличия (и их разновидности) взаимодействовали и взаимодействуют друг с другом, поэтому “дискурс – это речь, процесс языковой деятельности; способ говорения”[13].

М. Ю. Олешков[19] выделяет *четыре* значения понятия *дискурс*. В *первом значении* дискурс рассматривается как текст(высказывание), который погружен в социокультурную ситуацию. Данный подход осуществлялся с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики. “Под дискурсом, следовательно, – как утверждает Звегинцев, – будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи”[8,с.170]. *Второй поход* базируется на первом, поскольку опирается на концепции коммуникативной природы текста, которые были предложены Т. А. ван Дейком, утверждающим, что “дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта ... Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию”[6]. Именно эта интерпретация дает основание говорить о событийно–ситуационном аспекте понимания дискурса, т.е. о коммуникативной ситуации, в которой текст интегрирует с субъектом речи(адресантом), адресатом, временем и местом высказывания. А в качестве основных его характеристик выступают контекстуальность, личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость. *Третье значение* связано с положением французской семиотической школы, которое отождествляет дискурс с речью, преимущественно устной. А. – Ж. Греймас и Ж. Курте[5,с.136–142] дают структурно–семиотическое понимание дискурса, который реализуется в “дискурсивных практиках”, как в виде текста, так и в виде фраз, которые могут быть сегментами дискурса–высказывания. В свою очередь, А. – Ж. Греймас и

Ж. Курте выделили два необходимых взаимодополняющих условия для производства высказывания и обозначили их термином “компетенция”: *семиотико–нарративная компетенция*(форма человеческого сознания и “базовая грамматика высказывания–дискурса”) и *дискурсивная компетенция*(регулирует и моделирует дискурсивные формы высказываний–результатов).В результате чего “перевод в дискурс, или дискурсивизация, заключается в использовании семиотико–нарративных структур и их трансформации в структуры дискурсивные ... Дискурс есть результат этого оперирования с глубинными формами, которое дает прост семантически значимых членений”(т.е. речевых практик – *Домнич С. П.*), в результате чего “устраняется традиционное противопоставление между дискурсом как сверхфразовым монологом и коммуникацией как диалогом и фразовым обменом; коммуникация предстает как один из моментов порождения дискурса”[12,с.196–198].Это дает основание говорить о том, что социокультурная коммуникация является одним из моментов порождения речевых практик, как в межличностном, так и межкультурном взаимодействии.

П. Серю[23,с.26] представил *восемь* способов понимания дискурса: 1)связный текст; 2)единица, которая по размеру превосходит фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования “грамматики текста”, изучающая последовательность отдельных высказываний; 3)устно–разговорная форма текста; 4)диалог; 5)группа высказываний, которые связаны между собой по смыслу; 6)речевое произведение как данность – письменная или устная; 7)при специализации третьего значения(т.е. в устно–разговорной форме) дискурс обозначает беседу, которая рассматривается как основной тип высказывания; 8)термин “дискурс” часто используется также для обозначения системы ограничений, накладывающихся на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции.

Таким образом, с точки зрения современной коммуникативной лингвистики дискурс, прежде всего, процесс и результат речепроизводства, как явление процессуальное, в котором речь – средство коммуникации, текст – целостная семиотическая форма организации коммуникации, а коммуникация – процесс информационного обмена, т.е. *дискурс* – коммуникативное событие, ситуация, включающая текст и иные составляющие[19].

Четвертое значение основывается на философском понимании дискурса, который представляет собой коммуникативно–прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной сфере: социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности и т.д. В таком понимании дискурса основным свойством выступает регулярность соприсутствия говорящего и слушающего(интеракции лицом к лицу), что находит свое отображение в диалоге: “В разговоре слушающий должен стать говорящим, а говорящий слушающим. Мы должны меняться ролями. Мы должны меняться своими ролями говорящего и слушающего до того, как мы станем говорить действительно и истинно”[21,с.54–118].

Следует отметить, что базой для лингвистического поворота в философии стали идеи В. фон Гумбольдта о

языке, а также теория речевых актов, теория аргументации и символический интеракционизм, которые и обусловили появление концепции универсальной грамматики Ю. Хабермаса. “Универсальная прагматика тематизирует элементарные единицы речи (высказывания) таким же образом, как лингвистика тематизирует элементарные единицы языка (предложения). Цель реконструктивного лингвистического анализа заключается в эксплицитном описании правил, которыми компетентный говорящий должен овладеть, чтобы сформировать грамматические предложения и высказывать их в приемлемой форме ... Общая теория речевых актов, т.о., будет описывать эту систему правил ...” (Хабермас Ю.). Вслед за Дж. Серлем Ю. Хабермас считает речевой акт – единицей лингвистической коммуникации, исходя из смысла реализации предложения в высказывании. Основная же задача универсальной грамматики состоит, по мнению Ю. Хабермаса, в “исследовании и реконструкции универсальных условий возможного понимания”, ибо именно понимание выступает в роли имманентной функцией речи. По Ю. Хабермасу, понятие дискурса связано с коммуникативным действием, которое ориентировано на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус, достижение которого возможно при координации действий коммуникантов. В речевой ситуации и в сфере коммуникативной рациональности особое место у Ю. Хабермаса приобретает “сила лучшего аргумента”, а не принуждения. Отсутствие принуждений не только внутренних (психологические и идеологические предрассудки), но и внешних (угрозы силы), и является смыслом прагматической структуры коммуникации, где достижение соглашения предполагает готовность участников диалога, учитывая их интересы, равномерное использование речевых актов, а также их “иммунитет” от внешних принуждений или санкций (этика дискурса: толерантность, консенсус, убеждения). В таком отношении прагматическая структура коммуникации преодолевает любые ограничения. Согласно Ю. Хабермасу, условия, при которых возможно рациональное соглашение, и создают “идеальную речевую ситуацию” [26].

М. Л. Макаров в монографической работе “Основы теории дискурса” [14, с. 202], анализируя различные трактовки понятия “дискурс”, выделяет следующие координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Так, *формальная* интерпретация представляет дискурс как образование выше уровня предложения; *функциональная* интерпретация в широком понимании видит дискурс как использование языка, то есть речи во всех ее разновидностях. Компромиссным вариантом (в узком понимании) является понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. А с точки зрения *ситуативной* интерпретации под дискурсом понимается учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, то есть поле прагмалингвистического исследования. В связи с этим закономерным является обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, конверсационный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы

социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики, психолингвистики, межкультурной коммуникации, которые непосредственно связаны с философской антропологией.

В книге “Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ”, где представлены научные статьи, разработанные представителями зарубежной и отечественной науки, касающиеся различных теорий дискурса, О. Русакова делает такое заключение относительно понимания дискурса: “Мы определяем *дискурс* как сложноструктурированную коммуникативно-знаковую систему, обладающую *шестью* основными планами: *интенциональным* (властные интенции, стратегии, замыслы), *актуальным* (воплощение властных интенций в реальной деятельности, имеющей знаково-символический характер), *виртуальным* (распознавание и понимание смыслов, ценностей, идентичностей), *контекстуальным* (расширение смыслового поля на основе социокультурных, исторических и иных контекстов), *психологическим* (эмоциональный, энергетический заряд, содержащийся в дискурсе и придающей ему суггестивную силу) и *осадочным*” (запечатление всех перечисленных выше планов в робщественном сознании и опыте, в той конструируемой и материализуемой обществом среде, формы которой являются отражением культуры) [22].

Поскольку дискурс составляют единицы речевой деятельности – *речевые практики* (слово, высказывание, текст и т.п.), то следует назвать, какими характеристиками они обладают: 1) синтаксическими (план выражения – структура); 2) семантическими (план содержания – значение); 3) прагматическими (план сообщения – перлокуция).

На наш взгляд, правомерно условно выделить 7 моделей языковых практик, которые нашли свое отражение в контексте философской антропологии посредством актуализации языка в речи, т.е. в социокультурной коммуникации:

- 1) формально-логическая (аргументативная, аналитическая) / философская или лингвистическая философия (Аристотель; Дж. Серль, Дж. Остин и др.);
- 2) семантическая (Ф. де Соссюр; М. М. Бахтин и др.);
- 3) герменевтическая (Г. Гадамер; О. Розеншток-Хюсси и др.);
- 4) экстралингвистическая / концепция языковых игр (Л. Витгенштейн);
- 5) структуралистская (М. Фуко; К. Леви-Стросс и др.);
- 6) интеракционистская (Дж. Гампертц; Ю. Хабермас и др.);
- 7) постнеклассическая (М. Мак-Люэн; М. Кастельс и др.).

В качестве суждений для описания этих *семи моделей языка* необходимо исходить из таких понятий как “высказывание”, “субъект”, “понимание”.

Мы придерживаемся точки зрения М. Ф. Гербовицкой [4, с. 64–69] в том, что используя понятие “субъект”, необходимо различать “единичность” и “субъектность” в структуре “Личности” или в структуре “Я”, поскольку “единичность” явлена как поток бессубъектного сознания, сознания дорефлексивного, безличного [28]. Эта единичность выступает в роли целостного с предметом собственной веры. “Единичность” пребывает в состоянии самодостаточности, самоидентичности структурно не способна выйти за пределы себя. Для того, чтобы вывести единичное из этого состояния самоотожд-

дественности, необходимо присутствие Другого”[4,с.64–69]. Именно Другой задает проблематику единичного, оказывая помощь по отношению к предмету собственной веры, результате чего и возникает Субъект. Субъект находит свое отражение в результате раздвоенности “Я” внутри себя. Появляется как бы “символический Другой”, который направляет своеобразный внутренний контекст личности, создавая при этом образ “Я”, что раскрывается в неповторимых субъектных образованиях или смысле-образах, т.е. речевых практиках, как на уровне межличностного, так и на уровне межкультурного общения, выступающих неперенным условием понимания субъектом себя и окружающего его мира, поскольку “человек с его внутренним миром и впредь будет занимать – можно не сомневаться – огромную область пространства языка”[15,с.85–111], а язык, в свою очередь, это не то, что хранится в словарях и грамматиках, а это то, что живет в людях.

Базируясь на сказанном, очевидно, что актуализация внутренних структур “Я”, его “переструктурирование” или переустройство является стимулом для создания речевых практик, которые отражаются в речевом этикете представителей различных культур и этносов.

Однако, не стоит забывать и о роли Другого в контексте “диалога”, поскольку для того, чтобы достичь глубины взаимоотношений необходимо обозначить в межличностном дискурсе *духовное начало*, которое можно назвать духовным общением, ибо в “диалоге личностей”(Бахтин М. М.) можно заметить проявление тех ценностных представлений и норм, которые появляются как “всякий раз качественно новая информация – плод слияния информационных потоков, идущих от уникальных духовных миров партнеров”[10,с.271], поэтому следует изучать не только язык, а человека в языке(Бенвенист Э.), что еще раз задает тон антропоцентричности в языке.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с помощью анализа дискурса, а значит, и его составляющих – *речевых практик*, как лингвистика, так и философия имеют своей целью изучение смыслов, которые существуют для человека в актах его взаимодействия с другими людьми. Правомерно сказать о том, что, с одной стороны, дискурс может выступать в качестве *совокупности* речевых практик, а с другой стороны, дискурс – это сама речевая практика (“чистая практика” – Фуко М.), выступающая в виде сегмента целого “дискурса”(слово, высказывание, текст и т.д.), что несёт в себе содержание и действие, возникая из ментальных процессов, которые пересекаются с психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни.

Рассматривая речевые практики через призму дискурса, можно заметить, что язык здесь выступает в качестве “изменчивого органа мысли”(А. А. Потебня), отражающего как реальность, характерную для данного пространства и времени, так и дискурсы, которые фиксируют общую систему значений, а также и то новое, находящее выражение в творческой функции языка, поскольку, – как справедливо утверждает М. М. Бахтин, – “речь – это язык *in actu*. Недопустимо противопоставление в какой бы то ни было форме языка и речи. Речь также социальна, как и язык. Формы высказываний также социальны, определяются общением, как язык”[1,с.212]. А это позволяет утверждать, что речевые

практики отображают как лингвистические, так и ментальные структуры национальных языков и национальных картин мира, поэтому исследование речевых практик, отражающих степень воздействия социокультурных факторов на процесс коммуникации, является построением модели межкультурного взаимодействия.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Собр.соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. / М. М. Бахтин. – М., 1997.
2. Бориснёв С. В. Социология коммуникации / С. В. Бориснёв. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2003. – 270 с.
3. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т. Е. Владимирова. – М.: КомКнига, 2007. – 304 с.
4. Гербовицкая М. Ф. Дискурс(Речевые практики в обучении) / М. Ф. Гербовицкая // В поисках нового университета: Альманах № 2. Серия “Университет в перспективе развития”. Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ / Под ред. М. А. Гусаковского. – Минск: БГУ, 2002. – 108 с.
5. Греймас А. –Ж. Семиотика. Объяснительный словарь / А. – Ж. Греймас, Ж. Курте // Лингвистика XX века: система и структура языка. – М., 2004. – Ч. II.
6. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – М., 1989. – 331 с.
7. Домнич С. П. К вопросу о дискурсивной природе речевых практик(методологические подходы дискурсивного анализа языка) / С. П. Домнич // Матеріали Четвертої всеукраїнської наукової конференції “Сучасні соціально-гуманітарні дискурси”(22 березня 2014 р.). – Дніпропетровськ: ДНУ ім. Олеся Гончара, 2014. – 180 с.
8. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: Наука, 1976. – 307 с.
9. Зорин В. Евразийская мудрость от А до Я[Текст]: философский толковый словарь / В. Зорин. – Алматы: Создiк–Словарь, 2002. – 408 с.
10. Каган М. Мир общения: Проблемы межсубъектных отношений / М. Каган. – М.: Политиздат, 1988.
11. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
12. Керимов Т. Х. Дискурс / Т. Х. Керимов // Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и дОп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.
13. Кибрик А. Дискурс. Электронный ресурс / Андрей Кибрик, Павел Паршин // Энциклопедия “Кругосвет”, 2001 / Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html, 2001, свободный.
14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
15. Мегентесов С. В пространстве субъектно–предикатных форм / С. Мегентесов // Философия языка: в границах и вне границ / Ю. С. Степанов, В. В. Прокопенко, Ю. И. Сватко и др. Науч. ред. тома Д. И. Руденко. – Х.: Око, 1994. – Т. 2. – 176 с.
16. Михалёва О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки / О. Л. Михалёва // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конФ. (Иркутск, 10–13 сентября 2007 г.) – Иркутск, 2007.
17. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. I.
18. Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. Грицанов А. А. – 3-е изд. испр. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
19. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса: Монография / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Урал. гос. пед. ун–т, Нижнетаг., гос. соц.–пед. акад., 2006. – 336 с.
20. Пешё М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / М. Пёше, К. Фукс // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
21. Розеншток–Хюсси О. Коперниковский переворот в грамматике / О. Розеншток–Хюсси. Бог заставляет нас говорить. – М.: Канон+, 1998.
22. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций / О. Ф. Русакова // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ(Серия “Дискурсология”). –

Екатеринбург: Издательский дом “Дискурс–Пи”, 2006. – 177 с.

23. Серіо П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций / П. Серіо // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.

24. Современный философский словарь / Под общей ред. д. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3–е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.

25. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко / М. Фуко. – Киев: Ника–Центр, 1996. – 208 с.

26. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2, Frankfurt a.M., 1981. – P.21.

27. Harris Z. Discourse analysis // Language, 1952. – Vol.28. – P.1–30; 474–494.

28. Gilles Deleuze. L'immanence: une vie... // Philosophie N.47 (1–er septembre 1995). – Paris: Les edition de Minuit. – P.3–7.

References

1. Bahtin M.M. Sobr. soch.: V 7 t. T.5. Raboty 1940–1960 gg. / M.M. Bahtin. – М., 1997.

2. Borisnjov S.V. Sociologija komunikacii / S.V. Borisnjov. – М.: JuNITI–DANA, 2003. – 270 s.

3. Vladimirova T.E. Prizvannye v obshhenie: Russkij diskurs v mezhhkul'turnoj komunikacii / T.E. Vladimirova. – М.: KomKniga, 2007. – 304 s.

4. Gerbovickaja M.F. Diskurs (Rechevye praktiki v obuchenii) / M.F. Gerbovickaja // V poiskah novogo universiteta: Al'manah № 2. Serija “Universitet v perspektive razvitiya”. Belorusskij gosudarstvennyj universitet. Centr problem razvitiya obrazovanija BGU / Pod red. M.A. Gusakovskogo. – Minsk: BGU, 2002. – 108 s.

5. Grejmas A.–Zh. Semiotika. Ob#jasnitel'nyj slovar' / A.–Zh. Grejmas, Zh.Kurte // Lingvistika XX veka: sistema i struktura jazyka. – М., 2004. – Ch. II.

6. Dejk van T. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija / T. van Dejk. – М., 1989. – 331 s.

7. Domnich S.P. K voprosu o diskursivnoj prirode rechevyh praktik (metodologicheskie podhody diskursivnogo analiza jazyka) / S.P. Domnich // Materialy Chetvertoi vseukrai'ns'koi naukovoi konferencii “Suchasni social'no–gumanitarni dyskursy”(22 bereznja 2014 r.). – Dnipropetrovs'k: DNU im. Olesja Gonchara, 2014. – 180 s.

8. Zvegincev V.A. Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi / V.A. Zvegincev. – М.: Nauka, 1976. – 307 s.

9. Zorin V. Evrazijskaja mudrost' ot A do Ja [Tekst]: filosofskij tolkovyj slovar' / V.Zorin. – Almaty: SozdiK–Slovar', 2002. – 408 s.

10. Kagan M. Mir obshhenija: Problemy mezhsob#ektnyh otnoshenij / M.Kagan. – М.: Politizdat, 1988.

11. Karasik V.I. O tipah diskursa / V.I. Karasik // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. tr. – Volgograd: Peremena, 2000.

12. Kerimov T.H. Diskurs / T.H. Kerimov // Sovremennij filosofskij slovar' / Pod obshhej red. d. f. n. professora V.E. Kemerova. – 3–e izd., ispr. i dop. – М.: Akademicheskij projekt, 2004. – 864 s.

13. Kibrik A. Diskurs. Jelektronnyj resurs / Andrej Kibrik, Pavel Parshin // Jenciklopedija “Krugosvet”, 2001 / Rezhim dostupa: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html, 2001, svobodnyj.

14. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa / M.L. Makarov. – М.: ITDGG “Gnozis”, 2003. – 280 s.

15. Megentesov S. V prostranstve sub#ektno–predikatnyh form / S.Megentesov // Filosofija jazyka: v granicah i vne granic / Ju.S. Stepanov, V.V. Prokopenko, Ju.I. Svatko i dr. Nauch. red. toma D.I. Rudenko. – H.: Oko, 1994. – T.2. – 176 s.

16. Mihaljova O.L. Diskurs ob#ekta vs diskurs sub#ekta: sistemoobrazujushhie priznaki / O.L. Mihaljova // Sistemnoe i asistemnoe v jazyke i rechi: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Irkutsk, 10–13 sentjabrja 2007 g.) – Irkutsk, 2007.

17. Novaja filosofskaja jenciklopedija. – М.: Mysl', 2010. – T.1.

18. Novejšij filosofskij slovar' / Sost. i gl. n. red. Gricanov A.A. – 3–e izd. ispr. – Minsk: Knizhnyj dom, 2003. – 1280 s.

19. Oleshkov M.Ju. Modelirovanie kommunikativnogo processa: Monografija / M.Ju. Oleshkov. – Nizhnij Tagil: Ural. gos. ped. un–t, Nizhnetag., gos. soc.–ped. akad., 2006. – 336 s.

20. Peshjo M. Itogi i perspektivy. Po povodu avtomaticheskogo analiza diskursa / M.Pjoseh, K.Fuks // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. – М., 1999.

21. Rozenshtok–Hjussi O. Kopernikovskij perevorot v grammatike / O.Rozenshtok–Hjussi. Bog zastavljaet nas govorit'. – М.: Kanon+, 1998.

22. Rusakova O.F. Sovremennye teorii diskursa: opyt klassifikacij / O.F. Rusakova // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz (Serija “Diskursologija”). – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom “Diskurs–Pi”, 2006. – 177 s.

23. Serio P. Russkij jazyk i sovetskij politicheskij diskurs: analiz nominacij / P.Serio // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. – М., 1999.

24. Sovremennij filosofskij slovar' / Pod obshhej red. d. f. n. professora V.E. Kemerova. – 3–e izd., ispr. i dop. – М.: Akademicheskij projekt, 2004. – 864 s.

25. Fuko M. Arheologija znaniya: Per. s fr. / Obshh. red. Br. Levchenko / M.Fuko. – Киев: Ника–Центр, 1996. – 208 s.

26. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2, Frankfurt a.M., 1981. – P.21.

27. Harris Z. Discourse analysis // Language, 1952. – Vol.28. – P.1–30; 474–494.

28. Gilles Deleuze. L'immanence: une vie... // Philosophie N.47 (1–er septembre 1995). – Paris: Les edition de Minuit. – P.3–7.

Domnich S.P., seniorteacher Center of international education V.N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkov), spdom.286@gmail.com

Discursive nature of speech practices: philosophical–anthropological grounds of language discursive analysis

The article deals with discursive nature of speech practices examined in the context of methodological approaches of language discursive analysis. It presents the analysis of speech practices models in line with philosophical–anthropological coordinates of discourse by means of language actualization in speech, in socio-cultural communication.

Keywords: speech practices, discourse, philosophical anthropology, philosophy of language, methodological approaches, socio-cultural communication.

Домніч С. П., старший викладач Центру міжнародної освіти, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (Україна, Харків), spdom.286@gmail.com

Дискурсивна природа мовленнєвих практик: філософсько–антропологічні основи дискурсивного аналізу мови

Розглядається дискурсивна природа мовленнєвих практик через призму методологічних підходів дискурсивного аналізу мови. Проаналізовані моделі мовленнєвих практик у руслі філософсько–антропологічних координат дискурсу за допомогою актуалізації мови у мовленні, в соціокультурній комунікації.

Ключові слова: мовленнєві практики, дискурс, філософська антропологія, філософія мови, методологічні підходи, соціокультурна комунікація.

* * *

УДК 800/801

Насибов В. Б.

доцент кафедри сучасного російського мови педагогічного факультета, Бакинський славянський університет (Азербайджан, Баку), q.abbasova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ И СПОСОБАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Необходимость уровневой характеристики словообразования заставляет определить однородность элементов и процессов словообразовательного статуса. Бесспорным является тот факт, что в зависимости от общего определения словообразования и его границ решается вопрос о возможности включения того или иного элемента (единицы), процесса в словообразование. Это, в свою очередь, приводит к расширению или сужению границ словопроизводства, его системной и уровневой характеристики.

Ключевые слова: номинация, деривация, словообразование, субстантивация, формально–семантический сдвиг.

(статья друкється мовою оригіналу)

Как известно, уже с 60–х, 70–х годов прошлого века русское языкознание заслуженно признало самостоятельный статус словообразования (дериватологии) и выделило его отдельным уровнем между фонетикой и морфологией в последней Академической Грамматике, что нашло свое отражение также в теоретических учебниках, учебных пособиях, чего нельзя сказать об азербайджанском языкознании. В нем словообразование по–